

Э. ФРОММ

ВКЛАД МАРКСА В ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В начале работы будет уместным сделать несколько предварительных замечаний. Вкладу Маркса в познание человека, или, говоря другими словами, в психологию, уделялось сравнительно мало внимания. Многие полагают, что в отличие от Аристотеля и Спинозы, работы которых по этике являются одновременно и трактатами по психологии, Маркс интересовался в основном не индивидуальными особенностями человека, его побуждениями и характером, а законами общества и его эволюцией.

То обстоятельство, что вклад Маркса в психологию долгое время не изучался, обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, Маркс не излагал свои взгляды по вопросам психологии в систематической форме, они разбросаны во всех его трудах. Их необходимо собрать вместе и привести в систему. Во-вторых, вульгарная и ошибочная интерпретация Маркса как ученого, интересовавшегося лишь экономическими явлениями, а также ложно понятая концепция материализма, согласно которой Маркс будто бы предполагал, что человек по самому своему существу руководствуется главным образом экономической выгодой, фальсифицировали понимание Марксом природы человека и его вклад в психологию. В-третьих, динамическая психология Маркса пришла в свет слишком рано, чтобы привлечь достаточно внимания. До Фрейда не изучались глубинные основы человеческой психики, и поэтому фрейдовский психоанализ стал самой важной динамической психологической системой. Его популярность в некоторой степени обусловлена механистическим материализмом, что отодвинуло на задний план суть гуманистической глубинной психологии, которая прослеживается у Маркса. Кроме того, более важная, механистически ориентированная экспериментальная психология затрудняла понимание психологических взглядов Маркса.

А как могло быть иначе? Современная Марксу академическая и экспериментальная психология была наукой, которая имела дело с отчужденным человеком, изучаемым отчужденными исследователями при помощи отчужденных и отчуждающих методов. Психология Маркса, основанная на понимании этого отчуждения, превзошла такой подход, потому что не считала отчужденного человека естественным, то есть человеком как таковым. Однако в результате этого психологические взгляды Маркса оставались фактически закрытой книгой для тех, кто верил в обусловленность поведения и рефлексию как в последнее слово в познании человека. Возможно, в настоящее время вклад Маркса в психологию будет понят лучше, чем когда-либо прежде, по двум причинам. Во-первых, потому, что главные открытия Фрейда уже не считаются неразрывно связанными с его механическими теориями (например с теорией либидо), и, во-вторых, потому, что возрождение гуманистического мышления создает более благоприятную почву для понимания гуманистической психологии Маркса.

Я уверен, что нет надобности приносить извинения за то, что в рамках данной статьи я не могу дать больше, чем краткое резюме основного, по моему мнению, вклада Маркса в психологию. Кроме того, само собой разумеется, что многие элементы психологических размышлений Маркса заимствованы им у выдающихся мыслителей прошлого, среди которых можно выделить Спинозу, Гете, Гегеля и особенно Фейербаха.

Говоря о психологии как «естественной науке о человеке» (идентичной с «человеческим естествознанием»), Маркс особое внимание уделяет понятию человеческой природы, которое проходит через «Капитал» вплоть до последних страниц. В третьем томе «Капитала» Маркс говорит об условиях труда, «наиболее достойных их человеческой природы, и адекватных ей»¹. Если в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс говорит о «сущности человека», или о «родовой жизни» человека, то уже в «Немецкой идеологии» он, определяя «сущность», заявляет, что эта сущность не является «никакой абстракцией». В

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 387.

«Капитале» Маркс заменяет понятие «сущности» понятием «человеческой природы вообще», которую следует отличать от человеческой природы, как она видоизменяется в каждый исторический период². Это действительно важное усовершенствование понятия человеческой природы, но ни в коем случае не отказ от него.

Дает ли нам Маркс определение «сущности человеческой природы», «природы человека вообще»? Да, дает. В «Философских рукописях» Маркс определяет родовой характер людей как «свободную, сознательную деятельность» в противоположность природе животного, которое «не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*»³. Хотя в последних работах, опустив понятие «родовой характер», Маркс не может повторять ту же самую формулировку, основное внимание он уделяет опять же деятельности, рассматривая ее как характерную черту неиспорченной, нерасколотой природы человека.

В «Капитале» Маркс определяет человека как «социальное животное», критикуя определение Аристотелем человека как «политического животного» в том плане, что оно точно так же свойственно древнему классическому обществу, как определение Франклином человека как «создателя орудий» свойственно миру янки⁴. Психология Маркса, так же как и его философия, является психологией человеческой деятельности, и я вполне согласен с той точкой зрения, что, по определению Маркса, человек – это существо «практики». К этому пункту я вернусь позднее.

Первый шаг Маркса в использовании понятия человеческой природы в его работах был бы несущественным без второго и самого важного шага, который характеризует его психологическую теорию. Я имею в виду его понятие природы человека как динамической, энергической. Он видит в человеке существо, влекомое страстями и стремлениями, хотя человек в значительной степени не осознает эти побуждающие силы. Марксистская

²Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 623.

³Там же. Т. 42. С. 93.

⁴Там же. Т. 23. С. 338.

психология – *динамическая психология*. Это означает, с одной стороны, ее родство с психологией Спинозы и предвосхищение психологии Фрейда, а с другой стороны — ее противоположность всякой механической, бихевиористской психологии. Я попытаюсь показать более подробно, что динамическая психология Маркса основана на главенстве *связи человека с миром*, человека с природой в противоположность психологии Фрейда, которая основана на модели *изолированного человека – машины*.

Его самые общие и тем не менее весьма определенные понятия различают «постоянные», или «фиксированные», и «относительные» стремления. Постоянные стремления существуют при всех обстоятельствах и могут быть изменены социальными условиями жизни постольку, поскольку изменения касаются формы и направления, относительные же стремления обязаны своим происхождением лишь определенному типу социальной организации.

Маркс предполагал, что половое влечение и голод относятся к «фиксированным стремлениям», тогда как скупость, например, является относительным стремлением. Это предположение Маркса можно объяснить тем различием, которое существует между человеческой природой вообще и ее специфическими проявлениями. Здесь мне хочется резюмировать, каким чрезвычайно важным является это различие фиксированных и относительных стремлений, ведь фактически одно это понятие представляет собой главный вклад в нынешнюю дискуссию о стремлениях и инстинктах.

Маркс еще больше разъясняет это различие, когда говорит, что «относительные инстинктивные потребности» (другими словами, стремления) не являются составной частью человеческой природы, а обязаны своим происхождением определенным социальным структурам и условиям производства и общения. Таким образом, Маркс уже связывает относительные инстинктивные потребности с социальной структурой и условиями производства и общения и тем самым закладывает основу динамической психологии, которая истолковывает большую часть человеческих склонностей, или человеческой мотивации, исходя из

того, как она определяется процессом производства. Понятие «социального характера» в динамическом смысле, в котором я его сформулировал, основывается на этом заключении Маркса.

Не менее важным, чем различие у Маркса постоянных и относительных побуждений, является рассмотрение им животного свойства постоянных человеческих стремлений в их отношении к человеческому свойству. И именно в этом пункте мы видим решающее различие между динамической психологией Маркса и психологией Фрейда. Относительно тех побуждений, которые, по мнению психоаналитиков и академических психологов, являются «постоянными» и предположительно обладающими одними и теми же свойствами у человека и животного, Маркс заявляет, что «еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер»⁵. Для фрейдовского психоанализа, основанного на модели изолированного человека – машины, чьи стимулы обеспечиваются внутренними химическими процессами, с целью ослабить напряжение до некоторого оптимального порога, такие потребности, как удовлетворение голода, жажды и полового влечения, являются целью сами по себе.

Теперь мы подошли к одному из самых фундаментальных положений Маркса относительно природы побуждений: «Страсть – это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека»⁶. В этом утверждении страсть рассматривается как понятие связи или связанности. Это не внутреннее стремление, регулируемое химическими процессами, как во фрейдовском понятии инстинкта, или стремление, которое нуждается в объекте как средстве своего удовлетворения, а сами способности человека, в понимании Маркса, его сущностные силы, наделенные динамическим свойством стремиться к объекту, с которым могут быть связаны и объединены. *Динамизм человеческой природы коренится главным образом в этой потребности человека выражать свои способности в окружающем мире, а не в*

⁵Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 91.

⁶Там же. С. 164.

его потребности использовать мир как средство удовлетворения своих физических нужд. Маркс говорит, что, поскольку у меня есть глаза, я испытываю потребность видеть; поскольку у меня есть уши, я испытываю потребность слышать; поскольку у меня есть мозг, я испытываю потребность мыслить; и поскольку у меня есть сердце, я испытываю потребность чувствовать. Коротче говоря, поскольку я человек, я нуждаюсь в другом человеке и в окружающем мире. Между прочим, принимая во внимание нынешнюю популярность так называемой психоаналитической Эго-психологии, было бы полезно отметить, что когда Маркс говорит о способностях и их выражении, то имеет в виду как раз не Эго, а страсть, «природные силы» и «жизненные силы», которые существуют в человеке «в виде задатков и способностей, в виде *влечений*⁷, а также энергию, заложенную в каждой способности, нуждающейся в выражении.

Имеются многочисленные заявления Маркса, являющиеся вариациями на тему страсти как категории связи человека с самим собой, с другими и с природой, а также как категории осуществления его сущностных сил. Недостаток места позволяет привести лишь некоторые из них. Маркс четко разъясняет, что он подразумевает под «человеческими способностями», которые связаны с миром посредством страстей: каждое из *человеческих* отношений к миру – зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, желание, деятельность, любовь – словом, все органы его индивидуальности являются... активным выражением (у Маркса присвоением. – *Прим, пер.*) человеческой действительности⁸. Именно потому, что объект является выражением человеческой действительности, сам он становится человеческим, или, по словам Маркса, в практике я могу связать себя с вещью человеческим образом в том случае, когда вещь связана с человеком человеческим образом. (Между прочим, мне хотелось бы привлечь внимание к существенному сходству этого понятия Маркса с понятиями, встречающимися у Гете, в дзэн-буддизме и христианском мистицизме.)

⁷Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 163.

⁸Там же. С. 120.

Человеческие «стремления» являются, в таком случае, выражением коренной и специфически человеческой потребности, потребности быть связанным с человеком и природой и утвердить себя в этой связи. Цель состоит в том, чтобы осуществить «единство человека с природой... осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы»⁹. Потребность человека в самоосуществлении лежит в основе специфически человеческого динамизма. Богатый человек одновременно с этим является таким человеком, который нуждается «во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*»¹⁰.

Маркс отчетливо видел связь между отношением человека к себе и к другим людям. Его позиция в этом вопросе, по существу, совпадает с позицией Гете, который говорил: «Человек познает себя лишь постольку, поскольку он познает мир. Он познает мир лишь внутри себя, и он осознает себя внутри этого мира. Каждый новый объект, признанный как истинный, открывает в нас новый орган». Из этого понятия динамической связи вытекает, что для Маркса «*богатый человек* – это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*»¹¹. Следовательно, бедность есть «пассивная связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой человек*»¹².

Является ли этот человек, энергично стремящийся к выражению своих способностей, рабочим или буржуа XIX столетия? Если нет, а это действительно так, то какое значение имеет марксистская модель человеческой природы для понимания человека? Является он человеком золотого века прошлого или же мессианского видения будущего? Ответ не прост и приводит нас непосредственно к одному из самых глубоких и современных по-

⁹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 118.

¹⁰Там же. С. 125.

¹¹Там же.

¹²Там же.

нятий психологической системы Маркса. В противоположность понятию душевного заболевания обычного, среднего человека, которое не мешает ему работать и производить потомство, Маркс приводил в пример патологию нормальности, испорченность статистически нормального человека, утрату им самого себя, своей человеческой сущности, всего того, чем ему следовало быть, если бы он был другим. Таким образом, Маркс говорит о возможности человека «стать потеряннным» в объекте – если объект не стал человеческим, то есть отношение человека к объекту не является отношением активной связи, часто называемой «присвоением». Маркс имеет в виду человека, ставшего «духовно и физически дегуманизированным», или «извращенного» рабочего, «простой фрагмент человека», противопоставляя его «всесторонне развитому индивиду». Если человек, рассуждает Маркс, не связывает себя **активно** с другими и с природой, то он утрачивает себя, его стремления теряют свои человеческие качества и обретают животные свойства. Но поскольку человек не животное, то он становится большим, фрагментарным, извращенным человеческим существом. Именно в этом состоит революционный и терапевтический элемент в динамической психологии Маркса. Человек потенциально не только способен, но и нуждается в собственной связи с миром, и для того, чтобы стать человеком и излечиться, ему нужно восстановить этот потенциал здоровой, а не патологической формы человеческого функционирования.

Марксистское понимание извращенного человека в противоположность всесторонне развитому дает представление о новом и оригинальном понятии невроза. Я имею в виду заявление Маркса в «Немецкой идеологии»: «...бессмысленно предполагать... что можно удовлетворить одну какую-нибудь страсть, оторванную от всех остальных... не удовлетворив вместе с тем *себя*, целостного живого индивида. Если эта страсть принимает абстрактный, обособленный характер, если она противостоит мне как некая чуждая сила», то есть как «одностороннее удовлетворение одной-единственной страсти, – то зависит это отнюдь не от сознания или «доброй воли» ... а от *бытия*; не от мышле-

ния, а от жизни; это зависит от эмпирического развития и проявления жизни индивида... Если обстоятельства, в которых живет этот индивид, делают для него возможным лишь одностороннее развитие одного какого-либо свойства за счет всех остальных... то этот индивид и не может пойти дальше одностороннего, уродливого развития»¹³. Маркс говорит здесь об отчужденных страстях, о страстях, которые являются сами по себе целью и удовлетворяются без удовлетворения всего человека, то есть эти страсти отделяются от всех других и поэтому противостоят индивиду как чуждые силы. В психологии, подобной фрейдовской, в которой нормальность и здоровье являются результатом удовлетворения только одного инстинкта, а именно сексуального, такое рассуждение не имело бы смысла. В ряду гуманистического понимания страстей, согласно которому энергия порождается активным стремлением всех способностей достичь своих объектов, стоит и трактовка Маркса природы невроза или душевной болезни. Невроз в этом случае может быть определен как абсолютное господство и, следовательно, отчуждение одной страсти.

Главным понятием человеческого, то есть неотчужденного или непатологического, стремления является **деятельность**, или, как Маркс первоначально говорил, **самодетельность**. Что Маркс подразумевает под «самодетельностью»? Очевидно, он не имеет в виду «деятельность», как она понимается в современном языке – делание чего-либо, состояние занятости и т. д. «Деятельность» у Маркса также отличается от деятельности животного, которое действует только сообразно потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек знает, как производить в соответствии с надлежащими мерками объекта. Таким образом, человек творит по законам красоты¹⁴. Марксистское понятие деятельности близко к трактовке деятельности Спинозой, который воспринимал ее как творческое и спонтанное действие, возможное лишь при наличии свободы. Поэтому он говорит о «спонтанной деятельности человеческой фантазии, че-

¹³Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 252–253.

¹⁴См.: Соч. Т. 42. С. 94.

ловеческого мозга и сердца...». Это понятие деятельности становится особенно ясным тогда, когда Маркс конкретно говорит о человеческих страстях, например, о любви. «Предположи теперь, – пишет он, – человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли, *проявлением* твоей *действительной индивидуальной* жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если... ты своим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя *человеком любимым*, то твоя любовь бессильна: и она – несчастье»¹⁵.

Особенно ярко Маркс выражает это активное свойство любви в работе «Святое семейство»: «Г-н Эдгар превращает любовь в «богиню», и притом в «жестокую богиню», тем, что из *любящего человека*, из любви человека он делает человека *любви*, – тем, что он отделяет от человека «*любовь*»... Посредством такого простого процесса... превращения предиката в субъект»¹⁶ человек превращается в нечеловека. Действительно, любовь является человеческой деятельностью, а не бездеятельностью, и именно любовь «по-настоящему научает человека верить в находящийся вне его предметный мир...»¹⁷.

Понимание Марксом подлинно человеческих потребностей, то есть потребности в других людях, в выражении и приложении своих способностей к соответствующим им объектам, может быть вполне приемлемо, если обратить внимание на марксистское понятие искусственных, нечеловеческих и порабащающих потребностей. Современная психология мало интересуется критическим анализом потребностей; она принимает законы про-

15Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 150–151.

16Там же. Т. 2. С. 22.

17Там же. С. 23.

мышленного производства (максимальное производство, максимальное потребление и минимальные человеческие разногласия), предполагая, что уже сам факт того, что человек желает чего-то, является доказательством его законной потребности в желаемой вещи. Фрейдовский психоанализ, сосредоточенный лишь на половых потребностях, а позднее – на потребностях разрушительных, – в дополнение к потребностям выживания, не проявлял никакого интереса к изучаемым нами потребностям. Маркс же, вследствие диалектического понимания человеческой природы, весьма определенно указывал на двусмысленный характер потребностей и фактически использовал этот пункт, выступая против психологии как науки. «Что вообще думать о такой науке, – говорит он в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», – которая... не чувствует своей собственной неполноты, когда все это богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином «*потребность*», «*обыденная потребность*»?¹⁸ Те потребности, которые не являются человеческими, охарактеризованы Марксом очень кратко: «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения*... Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь *чуждую* сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую *возможность* взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек... С субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится *изобретательным* и всегда *расчетливым* рабом нечеловеческих, рафинированных, неестественных и *надуманных* вожелдений»¹⁹.

¹⁸Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 123.

¹⁹Там же. С. 128, 129.

В результате «производство слишком большого количества полезных вещей производит слишком много *бесполезного* населения. Обе стороны забывают, что расточительность и бережливость, роскошь и лишения, богатство и бедность равны друг другу»²⁰.

Различая подлинные и мнимые человеческие потребности, психология Маркса затрагивает одно из самых важных разграничений, которые должны проводиться в теории потребностей и стремлений. Изолированный и постулированный половой инстинкт не будет «нормальным», если он не является частью всей тотальности жизненных проявлений человека; искусственно созданные с помощью рекламы потребности и желания не являются нормальными, естественными, здоровыми, или человеческими, потому что это лишь субъективные желания. Вопрос о том, как различать человеческие и нечеловеческие, реальные и мнимые, способствующие развитию и отравляющие развитие потребности, действительно считается основной психологической проблемой, которую ни психология, ни фрейдовский психоанализ не могли даже начать исследовать, поскольку они не проводили таких различий. Да и как они могли их проводить, когда моделью человека для них является отчужденный человек, когда тот факт, что современная индустрия создает и удовлетворяет все больше и больше потребностей, принимается ими как признак прогресса и когда современное понятие свободы в большей степени отражает свободу потребителя выбирать между различными и фактически идентичными видами одного и того же товара в границах его бумажника – свободу потребителя, совершенно отличную от свободы предпринимателя XIX века? Только диалектическая и революционная психология, которая при рассмотрении человека и его возможностей видит дальше теперешнего извращенного человека, может заметить это важное различие между двумя видами потребностей, исследовать которые могут лишь те психологи, которые не принимают явление за сущность. Следует отметить, что Маркс, проведя это различие, пришел к выводу, что бедность и богатство, умеренность и рос-

²⁰Там же. С. 132.

кошь являются не противоречиями, а эквивалентами, покоящимися на *человеческих* потребностях.

До сих пор мы имели дело с марксистскими понятиями стремлений и потребностей в общем плане. Есть ли что-либо более специфическое, чем понятие стремлений в психологии Маркса? Оказывается, есть, хотя и не столь систематическое и завершенное, как можно ожидать от работы, имеющей дело главным образом с психологией.

Как уже упоминалось, для Маркса понятие любви является решающим при описании отношения человека к внешнему миру. Оно представляется определяющим и для процессов мышления; одно из главных критических замечаний в адрес «г-на Эдгара» в «Святом семействе» состоит именно в том, что тот пытается избавиться от любовной страсти для того, чтобы обрести тотальный мир познания. В этом контексте Маркс уравнивал любовь со всем «живым, со всем непосредственным, со всяким чувственным опытом, со всяким вообще *действительным* опытом, относительно которого мы никогда наперед не *знаем*, ни «откуда», ни «куда»²¹. Поскольку дело касается человеческих отношений, Маркс верит, что «непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине... Отношение мужчины к женщине есть естественнейшее* отношение человека к человеку»²².

Интересно сравнить это понятие Маркса с понятием сексуальности у Фрейда. Для Фрейда сексуальность (в его более поздней работе – разрушительность) является главной страстью человека. Как я указывал раньше, эта страсть понимается как использование женщины мужчиной для того, чтобы удовлетворить его химически производимый половой голод. Если бы Маркс знал теорию Фрейда, он критиковал бы ее как типично буржуазную теорию полезности и эксплуатации. В центре марксистского понимания человеческих отношений мы видим не сексуальность, а Эрос, одним из выражений которого может быть сексуальность. Под Эросом подразумевается здесь специфическое

21 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 24.

22 Там же. Т. 42. С. 115.

мужское-женское притяжение, которое является фундаментальным притяжением во всей живой материи. Фрейд, как видно из его работ до 1920 года, не имел такого понятия, потому что для него либидо означало мужское начало, а женщина была лишь сексуально извращенным человеком. Только во время коренного пересмотра своей теории после 1920 года Фрейд говорил об Эросе, но не отказался от своей первоначальной механистической теории либидо.

Другой важнейшей категорией в психологии Маркса является категория жизни, противоположная категории смерти. Жизнь и смерть понимаются не в биологическо-физиологическом, а в психологическом смысле. (Во многих отношениях это понятие напоминает инстинкт жизни и смерти Фрейда, но без его объявленного биологического субстрата или еще больше напоминает то, что я назвал биофилией и некрофилией, то есть любовью к жизни и любовью к смерти.)

Возможно, решающим в марксистской психологии является вопрос о том, мотивируется ли человек, класс или общество влечением к жизни или смерти. Вражда Маркса к капитализму, так же как и его любовь к социализму, поскольку речь идет об эмоциональной основе, коренятся в этой дихотомии. Во многих работах Маркс упоминал об этом различии, но я процитирую здесь лишь один наиболее известный отрывок из «Коммунистического манифеста»: «В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд – это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих. Таким образом, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, а в коммунистическом обществе – настоящее над прошлым»²³. Или, как он говорит в другом отрывке, господство капитала есть господство «живых людей посредством мертвой материи». Эрос и любовь к жизни являются двумя стремлениями неотчужденного человека. Они заложены в человеческой природе и проявляются в силу социальных обстоятельств, которые дают человеку возможность быть тем, кем он может стать. В

²³Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 439.

число страстей, которые порождает капиталистическое общество и которые управляют человеком, Маркс включает в самом общем виде всякого рода жадность, которая заменяет любовь и чуткость, а также, в более специфическом виде, стяжательство, скупость и потворство своим желаниям. Его анализ аскетического, скопидомного характера буржуазии XIX столетия и самопотворствующего характера тех, кто мог позволить себе роскошную жизнь, является вехой в развитии динамической характерологии, применением ее к различным классам общества. Поскольку все психологическое мышление Маркса является динамическим, а не бихевиористско-описательным, эти черты характера и характерологические понятия следует понимать в динамическом смысле. Они представляют собой относительно постоянные страсти и инстинктивные потребности, порожденные определенными экономическими и социальными условиями. Здесь Маркс перекликается с великим социально-психологическим произведением Бальзака, который рассматривал изучение характера как изучение тех сил, которыми человек мотивируется. Труд Бальзака является во многих отношениях разработкой психологических принципов Маркса. Нужно добавить, что когда читаешь письма Маркса к Энгельсу, особенно в их несокращенном немецком оригинале, то находишь глубинно-психологический взгляд на индивидов, который хотя и не обладает художественными достоинствами описаний Бальзака, но должен находиться в ряду лучших психоаналитических набросков характера с точки зрения диалектико-гуманистического психоанализа.

Заканчивая это краткое резюме марксистской психологии стремлений, я хочу упомянуть, что гнев также фигурирует среди страстей, которые упоминает Маркс, но что особенно интересно, так это его утверждение, что гнев может быть обращен против себя, – идея, которая впоследствии сыграла весьма существенную роль во фрейдовском психоанализе. Маркс писал, что «стыд – это своего рода гнев, только обращенный вовнутрь. И если бы целая нация действительно испытала чувство стыда, она была бы подобна льву, который весь сжимается, готовясь к прыжку»²⁴.

²⁴Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 371.

Вклад Маркса в гуманистическую психологию не может быть вполне понят без знания его отношения к сознанию и того понятия, которое он дал функции процесса осознания.

Отношение Маркса к сознанию нашло свое классическое выражение в широко известном заявлении в «Немецкой идеологии»: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»²⁵, и позднее в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»²⁶. То, что Маркс в первом утверждении называет «бытием», во втором случае звучит как «социальное бытие». Продолжая традицию, одним из первых выдающихся представителей которой был Спиноза и которая пятьдесят лет спустя достигла у Фрейда своего кульминационного развития, Маркс нападает на преобладающее мнение о том, что сознание является конечной инстанцией и свойством всей психической жизни. Более глубоко, чем Фрейд, Маркс понимал, что сознание – это продукт определенной жизненной практики, характерной для данного общества или класса. Оно «с самого начала есть общественный продукт» и подобно языку возникает «из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»²⁷. Хотя человек и считает, что он определяется и побуждается своими собственными идеями, в действительности он мотивируется теми силами, которые стоят за его спиной и которые он не сознает. Если Маркс уже в «Немецкой идеологии» употреблял термин «подавление» в отношении «обычных естественных желаний», то Роза Люксембург, придерживаясь марксистских идей, совершенно определенно говорила о дихотомии «сознательного» и «бессознательного». В толковательной версии заявления Маркса о сознании, определяемом социальным бытием, она пишет: «Бессознательное предшествует сознательному. Логика исторического процесса предшествует субъективной логике людей, которые участвуют в историческом процессе». В классовом обществе сознание человека обязательно является ложным сознанием, идеологией, которая при-

25 Там же. Т. 3. С. 25.

26 Там же. Т. 13. С. 7.

27 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.

дает видимость рациональности его действиям, тогда как, вследствие противоречий любого классового общества, подлинные побуждения не могут быть рациональными.

Марксистское понятие сознания и идеологии ведет к одному из наиболее существенных элементов теории революции Маркса. В письме, датированном сентябрем 1843 года, он говорит, что «сознание – такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет...

Наш девиз должен гласить: реформа сознания не посредством догм, а посредством анализа мистического, самому себе неясного сознания, выступает ли оно в религиозной или же в политической форме»²⁸. Разрушение иллюзий и анализ сознания, то есть осознание реальности, которую человек не осознает, являются условиями социального изменения. Маркс выразил эту мысль во многих замечательных формулировках, подобных следующей: «Нужно заставить застывшие обстоятельства танцевать, напевая им их собственную мелодию». Или: «Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*»²⁹.

Человек должен стать разочарованным человеком, который должен взяться за ум для того, чтобы он мог двигаться вокруг себя и тем самым вокруг своего действительного солнца. Осознание реальности как ключа к изменению является для Маркса одним из условий социального прогресса и революции, как у Фрейда оно составляет условие терапии душевной болезни. Не интересуясь проблемами индивидуальной терапии, Маркс не говорил о сознании как условии индивидуальных изменений, но, принимая во внимание всю его психологическую систему, которую я пытаюсь обрисовать здесь в общих чертах, установление такой связи не является обманом и вполне соответствует действительности.

Я верю, что когда будет признан главный интерес Маркса, интерес к человеку, то получит признание и его вклад в психологию, который до сих пор отвергался современными учеными.

²⁸Там же. Т. 1. С. 381.

²⁹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 415.